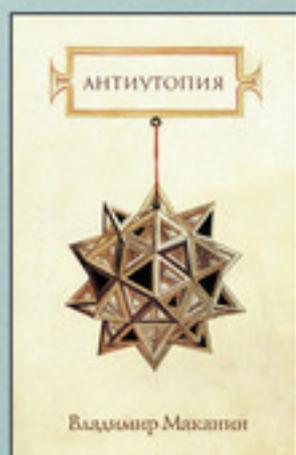

Владимир Маканин

Сюр в пролетарском районе

*Часть сборника
Антиутопия (сборник)*

Владимир Маканин
Сюр в пролетарском районе

«ЭКСМО»

1991

Маканин В. С.

Сюр в пролетарском районе / В. С. Маканин — «Эксмо», 1991

«Человека ловила огромная рука. Человек этот, слесарь Коля Шуваев, работал в заводской мастерской – скромный слесарек, обычный, не выпивающий часто. Возвращаясь с завода, рабочие довольно долго ехали в переполненном троллейбусе, а уже на троллейбусной остановке расходились кто куда – Коля поворачивал к общежитию; и там, где ему входить в свою общагу, в подъезд № 3, он оставался на какую-то минуту один. В эту минуту огромная (такая, что Коля мог весь уместиться в ее ладони) рука вдруг хватала его. Коля вырывался, шмыгал в подъезд и бегом, бегом, с колотящимся сердцем подымался к себе на второй этаж...»

© Маканин В. С., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

СЮР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Маканин

Сюр в пролетарском районе

Повесть

СЮР

Человека ловила огромная рука. Человек этот, слесарь Коля Шуваев, работал в заводской мастерской – скромный слесарек, обычный, не выпивающий часто.

Возвращаясь с завода, рабочие довольно долго ехали в переполненном троллейбусе, а уже на троллейбусной остановке расходились кто куда – Коля поворачивал к общежитию; и там, где ему входить в свою общагу, в подъезд № 3, он оставался на какую-то минуту один. В эту минуту огромная (такая, что Коля мог весь уместиться в ее ладони) рука вдруг хватала его. Коля вырывался, шмыгал в подъезд и бегом, бегом, с колотящимся сердцем подымался к себе на второй этаж.

В их подъезде за входной дверью имелся как бы предбанник, незанятый пяточок пространства, а уже за ним вторая входная дверь вела непосредственно внутрь. Тем самым в предбаннике слева сам собой образовался пустой угол, который, конечно, использовался – там стояли лопаты, метла, а в эти дни туда прибавились после демонстрации флаги, которые парни поставили там наспех на пару дней и которые затем следовало вернуть в профком. Лопаты, метла, а теперь еще и скрученные флаги от частого хлопанья дверью сползали, лежали на полу поперек, и Коля каждый раз боялся, что на бегу споткнется.

Перепрыгивая сползшие лопаты, он стремительно распахивал входную дверь, а рука гналась за ним. Не сумев схватить, рука успевала своим здоровенным пальцем больно поддать Коле в задницу или в спину, словно бы бревном; после такого удара слесарек вбегал по ступенькам наверх, как будто им выстрелили из пушки. Но дома он был уже в безопасности.

Впрочем, в последнее время оказалось, что в собственной комнате ему тоже надо быть осмотрительным. У Колиной подружки Клавы была здоровая привычка спать с открытым настежь окном. (Крепко сбитая женщина, молодая, повар по профессии, много часов возле жаркой плиты – ей даже ночью казалось, что в комнате душно. Коля, напротив, ночью зяб.) В ту ночь Клаву мучила жажда; вероятно, она проснулась, пила воду и вновь открыла окно. Но, может быть, он и сам попросту забыл прикрыть.

Среди ночи Коля почувствовал, что его давят. Он подумал, что Клава, повернувшись во сне, неловко придавила его плечом, но нет, Клава спала отодвинувшись, спала от него чуть в стороне (раскинулась там от жары). И тут же Коля почувствовал, как его придавили огромные два пальца. Рука не могла пролезть в окно, но два своих пальца просунуть вполне могла и ими (каждый палец как подвижное короткое бревнышко) искала его, нащупывала в постели. Вскочив, Коля, схватил первое, что попало ему под руку (Клавин зонтик, с которым она пришла), и ударил, а затем ткнул в один из огромных пальцев. Зонтик не игла, но все-таки достаточно остер, и ткнул им Коля с большой силой и яростью. Нашаривающие пальцы отдернулись. От боли огромный палец подсогнулся и стал уползать в открытое окно, за ним и второй. Рука убралась. Коля стоял у окна. Он еще подрагивал. Он выкурил сигарету, выдыхая дым в ночное окно, и лег наконец снова в постель рядом с Клавой, которая в темноте белела большим своим телом. Слесарек лег к ней ближе и, не в силах себя унять иначе, стал ее обнимать, немного тискать, одной рукой ворошил груди, другую запустил вниз. «Да ну тебя, Колька! Дай же покоя!..» – ворчала она, потом уступила, продолжая спать. Он заснул только под самое утро. Лежал на боку, глаза открыты, думал – как же быть?..

Рука подстерегла его в обеденный перерыв (он выскочил из мастерской, чтобы забежать в гастроном – у магазина полно народу). Купив, Коля решил, что с продуктами он забежит сначала к себе в общагу, забросит их в холодильник. Но на улице он оказался один. День солнечный, обеденное время, а вот ведь ни души. И непонятен был тот миг и переход (никакого особого мига и перехода тут и не было), когда рука вдруг упала сверху и, прихватив Колю кончиками огромных пальцев, стала душить, сдавливая грудную клетку и перебираясь через его плечи уже к горлу. Взвизгнув, слесарек вырвался, толщ пальцев и некоторая их неповоротливость дали ему возможность ускользнуть посреди пустой улицы. Коля припустил бегом, влетел в общежитие и, прыгая через несколько ступенек, к себе на этаж – в комнату. Десяток купленных яиц был почти весь раздавлен. Буханка свежего хлеба смялась в лепешку, масло (дефицит тех лет) расплющилось и через лопнувшую обертку заляпало и сумку, и левый бок его рубашки. (Вечер – это понятно. Но вот так откровенно, среди бела дня рука никогда прежде не нападала.) Коля минут десять не мог сладить с нервами.

Однако надо было идти в мастерскую. Коля топтался у выхода, ждал, курил, и, только когда сразу трое или четверо ребят, пообедав, повалили из общежития на работу, он пошел вместе с ними. На работе было спокойно. Сдельщики работали не покладая рук. В мастерской Коля поднял валявшийся там металлический штырь. Штырь был полуметровый, довольно тонкий, но в конце рабочего дня Коля дополнительно заточил его на всякий случай. Взял с собой. Ничего. Мало ли куда и зачем идет слесарь с металлическим штырем.

После работы он зашел к Клаве в столовку, их столовой на ужин выделили сердце да кровь. А мясо, видно, уплыло куда-то на сторону (в чем и доход). «Ишь, внимательный: мясца свежего захотел! Убоинки, а?» – засмеялись поварахи. А Коля ничего не хотел. Просто сказал, что думал. Он сел поодаль, ждал Клаву.

Две большие плиты, а значит, восемь конфорок, поварахи заняли их одновременно – в восемь сковород на огне (в шесть темных, чугунных, послуживших уже лет сто, и в две белые легкие, вполне современные) наливали для жарки кровь. Клава черпала в ведре большой деревянной ложкой и, не выплескивая, осторожно выливала кровь, заполняя каждую сковороду примерно на треть. Вторая повараха рубила лук. Кровь, как известно, лучше жарить с луком, все-таки вкус крови не так шибает в нос. «Но зачем отбивать вкус? Вдруг кто-то любит со вкусом», – говорила вторая повараха. «С луком лучше», – отвечала Клава, продолжая зачерпывать и разливать. Кровь в черные чугунные сковороды вливалась неприметно, как в темноту, а в две другие лилась, ало окрашивая белое дно; от кача сковороды кровь отступала волной, и белизна дна вновь обнажалась.

«Где твой слесарек? Чего скучает?!» – спросили Клаву разговорчивые поварахи, после чего Коле, сидевшему без дела, конечно же подсунули порубить сердце на все восемь сковородок. Клава вынимала сердце той же деревянной ложкой – громоздкое, скользкое и все в стекающей крови. На четыре части рубить было легко, но развалить надвое каждую четвертинку уже надо было стараться. Нож был не слишком остер, куски отползали, но в конце концов Коля порубил достаточно мелко, и вторая повараха, подхватив, ссыпала куски туда и сюда. Плюхнувшись на сковородку, куски немедленно погнали кровь от края к краю мелкими волнами. Огонь сделали сильнее, пошел запах. Стояло легкое марево. И как только дверь на кухне распахивалась, марево со всех восьми сковородок клонилось в одну и ту же сторону. Дверь прикрывали, и опять кровь курилась ровно; как восемь озер, спокойных и неподвижных, думал слесарек с некоторым интересом.

Пламя сделали жарче, и кровь сворачивалась. Пузыри лопались, пригорая. Восемь озер, как восемь полей сражений, задымились, заволклись гарью, и было похоже, что после ружейной пальбы вступили наконец в дело пушки.

Час, если не больше, просидел Коля в ожидании, но, когда пришел шеф-повар, выяснилось, что работа в столовой не кончена – девочки остаются, Клава в их числе. Приехали ведомственные деятели: надо кормить. Деньги последнее время даются с трудом. Да, да, снова варить вермишель и рис обязательно, они любят рис. Шеф-повар принес два здоровенных куса говядины, нашлось-таки мясо, сделайте, девочки, им по бифштексу, только не слишком старайтесь, когда будете нарезать порции!

И шеф засмеялся:

– Чтобы нам самим тоже мясо осталось. Понятно?

Было понятно.

Готовить начали заново, дело предстояло долгое (Клава сказала, чтобы Коля ее не ждал – она припозднится, но к ночи, конечно, придет). Коля ушел. Он долго ехал в троллейбусе.

Возле дома было уже темно, и светила одна-единственная лампа над входом в общежитие. Коля уже прошагал темное пространство: все тихо. Он решил, что опасное позади. Он уже стал насвистывать, когда услышал шум воздуха, сильную воздушную волну.

Рука была тут как тут. В полутьме она, вероятно, потеряла Колю, но теперь, опередив его, стремительно влезла в открытую дверь общежития, шарила там, засунув три огромных пальца (обычно ей удавалось просовывать два). Коля приготовил штырь, подумал, не ткнуть ли. Но не решился – боль придавала бы руке активность и злость. Было проще проскочить меж шарящих пальцев (рука их то всовывала внутрь, то вновь медлительно вынимала – искала вслепую), и Коле бы, конечно, удалось, если бы он чуть смелее прыгнул.

Третий палец, хотя и мешал тем двум пальцам, шарившим в пространстве предбанника, однако тоже там елозил и загораживал. А когда Коля прыгнул, штырь, который он придерживал, каким-то образом в тесноте стал поперек пальцев; Коля запнулся, успел бросить штырь и успел даже проскочить в подъезд, но упал. Огромные пальцы тут же прихватили его за ногу, вытащили наружу, и здоровенный ноготь, овальное матовое зеркало, придвинулся прямо к его лицу. Затем Колино лицо стали вдавливать в это зеркало. Нос, брови, губы – все сплюснулось. Слесарек задергался, но к матовому огромному ногтю его лицо придавливали все сильнее. Пальцам мешали их собственные размеры, а Коля бился изо всех сил, дергался, молотил в воздухе ногами и в конце концов все-таки выскользнул. На четвереньках он бросился к входным ступенькам, в то время как рука, ища потерянное, возила здоровенными пальцами по асфальту совсем рядом. В этот миг Коля увидел свою кепку, упавшую с головы еще в самую первую минуту атаки, – с яростью он вдруг кинулся за кепкой, моя, мол, кепка, подхватил ее, а с ней схватил и штырь, лежавший рядом, и теперь, вооружась, колот и бил, и снова колот большое светло-серое мясо. Из синих ранок хлынули ручьи крови. Рука замерла, пальцы болезненно отдернулись, а Коля, сколько мог сильно, уколол еще. Рука убралась из входа в общежитие – на этот раз она убралась рывком, а Коля в приливе смелости выскочил вслед, размахивая штырем как шпагой. Получив тут же удар, он рухнул в какую-то лужу возле входа, с него вновь слетела кепка.

Но уже миновало – рука убралась совсем. Коля встал. Он поднялся к себе в комнату и там, возле умывальника, смывал грязь с лица, с ободранных в падении колен. А хорошо, что я сунул ей штырем под ноготь, думал Коля, умываясь и все еще подрагивая.

Поговорить бы теперь, выпив пивка, с Валерой Тутовым – вот чего хотелось Коле. (Валера Тутов был смел, его любили бабы, он запросто общался с соседями-интеллигентами и вообще много чего в жизни знал или хотя бы слышал – к тому же они как-никак кореша. Друг – это друг.) Но Валера Тутов был далеко, был в отпуске. Так что в пустой вечер слесарьку Коле ничего не оставалось, как ждать свою Клаву. Коля вздохнул. Клавка тоже хороший человек – с Клавой они собирались пожениться.

Томьясь, Коля пошел в общежитскую гостиную – длинную общую комнату на первом этаже, где телевизор и где уже рассаживались пришедшие с работы мужики, занимая места и возбужденно споря: ожидался футбол. Но на экране пока еще тянулись кадры пустыни, куда-то брели цепочкой верблюды, желтые пески лежали до самого горизонта. Кой с кем из мужиков Коля поздоровался, посидел с ними, посмотрел на перекатывающиеся с ветром по пустыне белые песчинки (мало-помалу, песчинка к песчинке – так передвигались целые барханы и заносили города!), но потом он все же не усидел, заскучал и еще до футбола вернулся в свою комнату, где лег ничком на постель, ожидая Клаву. Клава теперь не скоро. (Начальство любит поесть как следует и не спеша.) Коля задумался уже о другом: он не знал, как ему быть и как жить с этой вот гонящейся за ним рукой. Не идти же к врачу. Врач заставит подробно рассказывать. Врач запишет. Коля был простой слесарь, но он, конечно, понимал, что сказать про огромную руку – стыдно. Ведь черт знает что. Ну как скажешь, хотя бы и Клавке?..

Он стал вспоминать, как началось. Вроде бы во время обеда в столовой (в их заводской столовой) он приоткрыл взгляд и увидел у какого-то мужика здоровенную правую руку. Когда присмотришься, у всех мужиков правая рука сильнее. Да, хлебал щи... А после (в тот же день) Коля увидел плакат. Большущий и в ярких красках плакат: могучая трудовая рука расставляла там по всей нашей стране то высокие дома, то детсады и школы, даже красивые кафе, а внизу подпись: ХОРОШО СТРОИШЬ – ХОРОШО ЖИВЕШЬ! – так вполне понятно и доходчиво призывал плакат строителей. Рядом с тем плакатом стоял строительный кран, настоящий, работающий кран (или, может быть, позади плаката висел еще один большой плакат, где строительный кран был нарисован? – в этом Коля сомневался, он уже не помнит), а под стрелой крана на строительных лесах почти возведенного высокого дома работали монтажники.

Там, на высоте (это он помнит), двое монтажников не поладили – отложив сварочные аппараты, оба они кричали, размахивали руками, и один из них вдруг остушился. (Либо он забыл закрепить строительный пояс, либо застежка пояса попросту не сработала.) С высоты строящегося дома сорвавшийся человек с криком летел вниз, скорость падения росла, крик замер, так что уже с пресекающимся дыханием человек падал на землю и несомненно бы разбился, как вдруг рука – вот та, огромная, которая высокие дома, школы и даже кафе расставляла по зеленому полю – подхватила и бережно так опустила сорвавшегося строителя на гору песка возле бетономешалки. Такая вот сильная рука... Коля заснул, не додумал мысль до конца.

– Чего ты спишь в такую рань?! – Клава пришла спустя, может быть, час. Она растолкала его, подняла. И как ни утомлена она явилась из дымной своей столовки, сказала, что хочет сегодня в кино – пойдем, пойдем, Колька, скорее...

Напяливая кепку и зевая, Коля сказал:

– Я и без того каждый день кино вижу.

Коля привыкал: выйдя, скажем, утром на улицу и заметив, что он посреди улицы в эту минуту один, скорым шагом преодолевал пустое место и торопливо выходил к троллейбусу. (Где на остановке всегда стояли люди и было безопасно.) Он приспособился быстро переходить, перебегать на другую сторону проулка ближе к школе, так как ограда школы состояла из железных стержней с нацеленными кверху остриями, и руке там (а рука всегда обрушивалась сверху) приходилось вести себя сдержанно. Рука объявлялась мигом, она словно бы свешивалась с высоты соседнего дома, что в шестнадцать этажей, и падала стремительно вниз, растопыривая пальцы и уже с ходу этими пальцами ища и ловя, но Коля бежал, прыгал (он изворотливо бежал и ловко прыгал, как ускользящий маленький человечек). Делал ложные движения и нехитрые финты на укоротившемся проулке с тем расчетом, чтобы рука с маху налетела на столб фонаря, накололась на острие школьной ограды и отдернулась. (А он тем временем уже проскакивал к шумной улице, к остановке троллейбуса, где шел или стоял народ.)

Ночью Коля спал, в общем, спокойно, положив, однако, под кровать свой штырь. Если среди ночи окно оказывалось открыто и через сон он слышал возню шарящей огромной руки, то просыпался (Клаву не будил, даже слова не говорил), опускал свою руку с постели на пол, брал штырь и, сонный, едва разлепив глаза, наносил удар в один из пальцев, целя пониже овального матового ногтя. Рука убиралась восвояси, после чего Коля отворачивался к стене, продолжая прерванный сон. Жизнь есть жизнь, и, если какой-то вопрос никак не удастся решить, человек живет с этим вопросом бок о бок. Живет вместе с вопросом, вот и все. Ночь шла. Коля спал. Не услышавшая шума Клава тоже спала, как всегда, крепко.

Они налили себе еще по полстакана – Коля и компрессорщик Валера Тутов, вернувшийся наконец из отпуска.

– Мне всякая чушь мерещиться стала. Башка такой дурной сделалась, охренеть можно, – осторожно начал Коля. (Он решил: он расскажет своему дружку Валере про гонящуюся руку. Если же разговор не получится, он объяснит Валере после, что был пьян и молот чепуху. Сойдет за пьяную болтовню.)

Вернувшийся с отдыха Валера Тутов ответил:

– Это погода такая дурная. Я тоже работать не могу. Сажу у компрессоров – и беспрерывно бабы, бабы, бабы в глазах... С ума сойти!

Коля:

– Ха-ха. Бабы!.. Мне вместо баб рука мерещится. Рука. Гоняется за мной, хоть в психбольницу беги!

На деле же рука была вполне реальна, однако осмотрительный Коля так и сказал для виду и для начала – мерещится.

Компрессорщик Валера Тутов ответил строго. Напустил на себя:

– А знаешь, это хорошо. Каждому человеку сейчас должна большая рука мерещиться. Порядку больше будет...

Но сам же, строгости своего тона не выдерживая, он хохотнул:

– Это, ха-ха-ха, называется – сюр.

– Что?

– Сюр.

Валера рассказал, что, когда в прошлом году он со своим коленом лежал в привилегированной больнице, где ему вырезали мениск, он слышал, как врачи обсуждали меж собой всякие такие случаи и психические сдвиги. Нет, про руку врачи не говорили. Но скажи спасибо, что гоняется не нога. Рука ловит, нога давит – сюр!.. (Валера любил щегольнуть незнакомым словом. Коля насторожился по иной причине – ему не понравилось про психический сдвиг. Слово «психический» тянуло само за собой неприятное слово «больной».) Надо обдумать, продолжал Валера. Надо к самому себе присмотреться.

Коля налил еще по полстакана, портвейн шел неплохо.

– Ладно, Валера. Что еще врачи говорили?

– Говорили, у каждого в жизни бывает момент, когда его потрясает. Р-раз – и человек шизанулся.

Они выпили.

К ним подошли молодые женщины из их общежития, стали дергать: «Сколько можно болтать?!», «Смотрите, как они оба расселись на скамеечке: сами пьют и сами болтают, ох уж этот Валера!», «Валерочка! Неужели в отпуске ты мало пил?» – так они трепались, с просветлением на лицах, а из общежития уже слышалась музыка. Молодые женщины организовали в этот вечер дискотеку. (Танцевали. С той стороны общаги жили женщины-текстильщицы, отдельный вход.) То ли просто воскресный день, то ли у них намечалось какое-то событие – было неясно. Но было ясно, что разговору они определенно помешают. Женщинам хотелось танцевать.

– Мы о врачах говорим, – мрачновато ответил им Коля, отваживая.

– О врачах?! – Молодые женщины захихикали.

Одна из них тут же и увела Валеру Тутова. Коля посидел на скамейке один, подумал о Клавье – не пойти ли к ней в столовку?.. Нет, надо еще пообщаться с Валерой. (Друг есть друг. Ведь Коля его ждал. Ведь как приятно – встретить человека и немного озаботить, нагрузить его своей жизнью, мол, понеси теперь ты...) Коля решил, что их разговор не закончен. Он зашел к себе в комнату, прихватил там еще одну бутылочку портвейна (из припасенных загодя; бормотуха, а пилась сегодня неплохо!) и тоже отправился туда, где танцевали.

Он пригласил какую-то молоденькую, помаленьку тискал ее в танце и все обдумывал сказанное Валерой.

Разговор ведь вполне получился. Оказывается, можно и про такое поговорить. И непугающее слово нашлось: сюр.

Стоять у подоконника было удобно, можно было пить глотками и о подоконник опереться и еще поглядывать в окно на деревья – славно!.. Собравшиеся в зале (это был вообще-то кинозал) танцуют, шумят, ходят суетливо туда-сюда, а вы двое стоите себе чуть в сторонке от них: пьете себе портвешок и поглядываете в окно. Стаканы и бутылки аккуратно стояли за фикусом. Пилось хорошо. И говорилось тоже хорошо, свободно.

– ...Я – человек вертикальный. Я много думаю о смысле жизни. (Люблю женщин.) Я все до единого смотрю кинофильмы. То есть духовно я богат, и поэтому сверху, то есть со стороны духовности, я защищен. А вот от людей – значит по горизонтали – мне надо опасаться всяческих ударов и гадостей, – так развивал свою мысль компрессорщик Валера Тутов.

– А я? – спрашивал слесарь Коля.

– А вот ты как раз человек бытовой, горизонтальный. Ты любишь поесть, ладишь со своей Клавой, уносишь домой подворованную ею печенку, потаскиваешь мешки с картошкой – у тебя по горизонтали все хорошо и все получается само собой. Ты живешь как трава. Бытовой малый. У тебя все замечательно. Но за это изволь оплатить проезд! – а значит: жди удара по вертикали...

– Так, что ли? – Слесарь Коля медленным движением провел рукой перпендикулярно земле.

– Примерно так. Сверху. Для тебя, поскольку ты отлично устроился на земле, опасность с неба, понял? Не сбоку, а сверху.

Они выпили еще понемногу.

– Здорово идет портвейн, а?

– Да. Вкусный. Но скоро кончится... Во всем районе, заметь, водки нет.

– Барда-аак!

– Не нравится мне эта опасность сверху, – вздохнул Коля, имея в виду руку, бросавшуюся на него откуда-то с крыш многоэтажных домов.

– А мне? – саркастически хмыкнул Валера Тутов. – Мне тоже не слаще: только и жди удара от людей.

Музыка гремела, танец за танцем следовали теперь непрерывно. Валера Тутов нет-нет и отправлялся отплясывать (забытый твист Валера тоже отменно танцевал), так что разговор шел, но шел он, подстраиваясь под веселье – урывками. Коля впал в задумчивость. В словах Валеры, как всегда, была какая-то незнакомая новизна. Нет, Коля не испугался. Он, в общем, уже привык к огромной руке, привык и даже приспособился к преследованию: он сможет прожить и сам по себе, без объяснений, но все же лучше, когда есть такие слова (когда эти слова расставят твои заботы на известные или понятные места).

– Ты, Коля, не скисай, – когда они еще выпили по полстакана, повел дальше разговор Валера. – Знаешь, что может обозначать рука? Да что угодно!.. Мне один доцент говорил, что

любовь к нему всегда приходит в виде старухи. Такой знак. Ты стоишь, например, в очереди, вдруг тебя тихо-тихо кто-то сзади трогает за плечо – оглянулся: старушка стоит. С авоськой. Или с сумкой, обыкновенная старушка. Это значит, что к тебе скоро придет любовь.

Коля ответил:

– Да у меня уже Клавка есть.

– Кла-авка. Да таких, как Клавка, знаешь сколько!

Коле стало немного досадно, но затем он согласился: и точно, Клавка одно, а любовь, может, совсем другое... Коля вдруг воодушевился:

– Слушай! Может, и точно – старуха?.. Ведь она одной рукой меня ловит? Одной! Две ее руки меня бы сразу поймали. Но рука – одна, а значит, во второй руке у нее авоська. Или сумка. Огромная такая старуха. Это же потрясающая придумка! – Воображение вспыхнуло, слесарек Коля сделался весь красен.

Он представил себе огромную старуху, и ведь каким-то образом она ходит на своих огромных ногах. Ножищи у нее небось как колонны!.. Коле (в парах портвейна) нравилось думать об этом: грандиозная, дурацкая такая страшила! как в кино!

Но Валера его уже не слушал.

– Кто это? – спрашивал Валера Тутов.

Спрашивал – и указывал глазами на пышную телом молодую женщину: она пришла с новой, только что ввалившейся в общежитие компанией. В кинозале, где танцевали, стало тесно. Стулья вынесли вон. Компания, как выяснилось, принесла с собой выпивку. Общага вновь зашумела, загудела. Пышная молодая женщина с несколько необычным именем Васса, так сразу поразившая своей внешностью Валеру Тутова, оказалась новенькой – из тех поселившихся в их общежитии совсем недавно. Валера пригласил ее танцевать и уже не отпускал. Он умело прижимал ее в танце, постанывал, но она была сдержанна, молчала; когда он целовал, она отворачивала от него лицо и вместе с лицом губы. Валера ловил правильную минуту, но Васса тотчас отворачивалась от него вновь (в тот самый момент). Свет в зале был почти полностью погашен. Музыка врубили на полную мощность.

В только что пришедшей и расположившейся на стульях компании оказался рослый рабочий из строителей: он, видно, пришел прямо со стройки (даже свою спецовку не успел снять). Работяга сидел близко от Коли и, выпив водки, деловито закусывал тем, что вынесли наскоро текстильщицы из своих комнат. То сырок плавленый он ловко разрезал на два, то двигал к себе банку с рыбными консервами и, нажимая на хлеб, выедал банку до дна.

Коле надоело следить в толпе танцующих за Валерой и за его новой молодой женщиной, и теперь в поле зрения попал этот энергично закусывающий строитель, точнее – его рука. (Она казалась больше обыкновенной руки: сильная, вся в буграх. Правая.) Но не обман ли оптический? – Коля стал поглядывать на свою руку, сравнивая, а также на руки парней, что так слаженно танцевали с девчонками в полутьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.